

А. Н. Седловская, формирования первых государственных объединений, возникновения джайнизма и буддизма, национально-освободительного движения и т. д. не могут быть решены без изучения этнической истории одних из древнейших насельников страны — народов мунда.

Н. Р. Гусева (Москва) говорила о происхождении раджпутов — крупной социально-экономической прослойки в Северной и Северо-Западной Индии. В докладе были приведены новые данные, подтверждавшие этногенетическую связь раджпутов с кшатриями, воинским сословием древнего индоарийского общества.

С. В. Жарникова (Вологда) в докладе «Фаллическая символика северорусской прялки и народной игрушки как реликт протославяно-индоиранской близости» сообщила, что на прялках Вологодской области на обращенной к пряхе стороне встречаются изображения мужских фигур с явно выраженными признаками пола или надписи, обозначающие в русской экспрессивной речи фаллос. Все это, очевидно, представляет собой персонификацию мужского начала, закодированного в системе символов прялки и в самом процессе прядения, соотношенным с актом творения, т. е. является сохранившимся практически до конца XIX — начала XX в. реликтом древнего фаллического культа, корни которого уходят в глубинные пласты протославяно-индоиранской близости. Эта близость прослеживается в отношении к процессу прядения и ткачества как к сакральному акту, что отмечено еще в «Ригведе», а также в обрядовой практике и терминологии родства славян и в соотношенности символики Рудры-Шивы (лингам-йони) и символики русской прялки — Род (фаллос) и пряха (женское начало). Об исключительно широкой распространенности фаллического культа плодородия среди восточных славян говорит и изображение явных признаков пола на северорусских игрушках-свистульках, которые играли значительную роль в обрядовых дохристианских действиях.

В докладе «Основные этапы этногенеза калмыков» Г. О. Авляев (Элиста) выделит два периода в этнической истории калмыков: джунгарский — с древнейших времен до конца XVI в., и российский или собственно калмыцкий — с начала XVII в. и до наших дней. В свою очередь джунгарский период автор подразделяет на этапы: домонгольский, монгольский, или «чингисовский», и средневековый; а калмыцкий период — на этап формирования калмыцкой народности (начало XVII — первая четверть XVIII в.) и этап последующего ее развития.

П. М. Кожин (Москва) в докладе «Значение материальной культуры для диагностики доисторических этнических группировок» обратил внимание на разрыв между возможностями трактовки этносов с точки зрения этнографов и их археологическими интерпретациями и указал на иное, чем в современных культурах, соотношение традиции и инновации в первобытнообщинных способах производства.

В докладе «Этногенез народов Азии в свете геофонетики» В. А. Никонов (Москва) рассмотрел географию фонетических частотностей в языках мира. У ительменов и нивхов согласные составляют две трети всей звуковой массы, а у полинезийцев — наоборот, только треть. В языках банту максимально часты губные согласные, минимум которых докладчик назвал азиатской депрессией губных. Число согласных глубокого образования, редких у русских, резко возрастает восточнее Урала: их доля у русских 6%, в тюркских языках около 12%, у чукчей 16%, эскимосов 24%, индейцев Америки 26—27% (в языках Калифорнии). Но частотность отдельных признаков не доказательна, по мнению докладчика, для изучения этногенеза: айны по частотности губных согласных совпадают с юкагирами и якутами, но резко отличны от них по огромной частоте гласных (больше половины всей звуковой массы). Докладчик решительно отверг биологическое объяснение фоностатистических различий вместо исторического и высказал ряд теоретических положений для привлечения фоностатистики к изучению этногенеза.

По большинству докладов проходили дискуссии, выявившие полезность непосредственного творческого общения этнографов, антропологов, лингвистов и археологов. В. А. Никонов отметил, что комплексный подход, и в частности применение метода фоностатистики, позволит приблизить нас к решению проблем происхождения полинезийцев, индейцев Америки и кетов. Полезность, продуктивность и перспективность комплексного подхода к изучению этногенеза подчеркивали все выступавшие.

Единодушным было мнение всех присутствовавших проводить «Чебоксаровские чтения» ежегодно, расширив тематику докладов.

А. И. Кузнецов

СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИЕ ЧТЕНИЯ 1981 ГОДА

С 1977 г. в группе Кавказа, Средней Азии и Казахстана¹ Ленинградской части Института этнографии АН СССР стало традицией ежегодно проводить региональную научную сессию. Ее постоянными участниками, кроме этнографов, являются специалисты смежных областей: археологи, антропологи, искусствоведы. Выбор темы для выступ-

¹ В январе 1982 г. группа преобразована в сектор Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

лений по этим отраслям знаний свободный: участники сессии заявляют доклады по любым интересующим их вопросам. Это определяет достаточно широкий диапазон обсуждаемых проблем. Значительная часть докладов, как правило, построена на материалах полевых исследований последних лет².

Сессия 1981 г. проходила 15—16 декабря. Утреннее заседание первого дня было посвящено памяти Николая Андреевича Кислякова³; вечернее — памяти безвременно скончавшегося Александра Даниловича Грача. Доклады второго дня сессии были связаны с отдельными проблемами археологии, антропологии, этнографии и топонимики.

Сообщение о Н. А. Кислякове как руководителе Ленинградской части сектора Передней и Средней Азии 1946—1972 гг. сделала Ф. Д. Люшкевич (Ин-т этнографии АН СССР). Было подчеркнуто, что научное творчество Николая Андреевича — важный этап в истории этого сектора, созданного в 1918 г. известным лингвистом и этнографом И. И. Зарубиным. Этнографическую подготовку Николай Андреевич проходил под руководством В. Г. Богораз-Тана, Я. Г. Кагарова и И. И. Зарубина.

Свой путь ученого-этнографа Н. А. Кисляков начал еще будучи студентом третьего курса Ленинградского университета. В трудные 1930-е годы становления Советской власти в Таджикистане он провел несколько лет среди горных таджиков, занимаясь одновременно этнографическими исследованиями и преподавательской деятельностью, организацией системы просвещения в сельских районах. Все это позволило начинающему ученому всесторонне изучить традиционный быт и процесс его изменения. В результате, по окончании университетского курса в науку пришел ученый не только с прекрасной теоретической подготовкой, но и хорошим знанием таджикского языка и большим опытом полевой работы. Это сказалось уже в его первых публикациях. Вышедшие в 1936 г. монографии «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло» и «Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа», основанные на оригинальном полевом материале автора, положили начало его исследованиям семейно-брачных отношений сначала горных, а затем равнинных таджиков. В 1959 г. была опубликована его монография «Семья и брак у таджиков», а в 1969 г. — обобщающий труд регионального характера — монография «Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана».

В работах ученого проявилось стремление проследить и проверить закономерность того или иного явления на огромном фактическом материале, разработать проблему от частных к широким обобщениям. Таковы «Очерки по истории Каратегина» (книга опубликована в 1941 г. и переиздана в 1954 г.) и «Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства конца XIX — начала XX в.» (1962 г.).

Уделяя большое внимание различным аспектам социальной истории, Николай Андреевич глубоко анализировал все стороны хозяйственной жизни, материальной и духовной культуры народов изучаемого региона. Знание таджикского языка служило не только средством получения полевой информации, но позволяло обращаться к письменным первоисточникам любого исторического периода. В свою очередь анализ языковых особенностей давал исследователю дополнительный и очень существенный материал для этногенетических выводов.

Значительное место в исследованиях ученого отведено вопросам истории и этнографии ираноязычных народов Ирана и Афганистана. Более близкому знакомству с этнографией народов Ирана способствовало пребывание Николая Андреевича в годы Великой Отечественной войны в Тегеране. Об этом периоде его жизни сообщила участница «Чтений», вдова ученого А. З. Розенфельд. Она, в частности, указала, что с самого начала своего пребывания в Тегеране Николай Андреевич, работавший в советском посольстве, использовал все возможности для углубленного изучения быта местного населения. С этой целью он стал совершенствовать свои познания в персидском языке, наблюдал многие народные обычаи и обряды. Так, он присутствовал на шиитских религиозных мистериях и слушал чтения (раузехани) святых в дни мухаррема, участвовал в праздновании нового года (науруз), видел жизнь простого народа. Николай Андреевич установил тесные контакты с местными учеными, познакомился с экспозицией и фондами Тегеранского этнографического музея.

После окончания войны и возвращения в Ленинград иранские впечатления были широко использованы ученым в своих работах. Так, уже в 1946 г. Н. А. Кисляков опубликовал в журнале «Советская этнография» в своем переводе с персидского небольшой труд студента юридического факультета Тегеранского университета Мохаммеда Бахман Бахман биги, долго жившего среди племен Фарса и наблюдавшего их обычаи. Несколько позже появился перевод большого сборника иранских обрядов и поверий, составленного известным иранским писателем Садеком Хедаятом под названием «Нейрангистан» («Страна чудес»). В эти же годы были написаны этнографические очерки о персах, кашкайцах, кафирах.

Среди фундаментальных исследований послевоенного времени особое место занимала подготовка томов серии «Народы мира», где Николай Андреевич выступал как один из ведущих авторов и член редколлегии.

² См.: Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л.: Наука, 1978—81 гг.

³ Памяти Николая Андреевича Кислякова было посвящено также расширенное заседание группы Кавказа, Средней Азии и Казахстана в апреле 1975 г. См.: Б. А. Ананьев. Обсуждение проблем этногенеза, материальной и духовной культуры народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана в Ленинградской части ИЭ АН СССР. — СЭ, 1975, № 6, с. 167—169.

По инициативе и совету Николая Андреевича предпринимались новые исследования. Так было начато изучение этнографической группы ирони Бухарской области, а затем и всего сложного по составу населения этого древнего оазиса Средней Азии. Многие молодые специалисты Таджикской Академии наук — ученики Николая Андреевича, а в Институте этнографии его учениками считают себя ученые разных специальностей, которые, начиная свой творческий путь, обращались к трудам, щедрым консультациям и исключительно доброжелательным советам этого замечательного человека.

О Н. А. Кислякове как музейном работнике подробно рассказала Т. В. Станюкович (Ин-т этнографии АН СССР). С воспоминаниями об ученом выступил старейший сотрудник Института Д. А. Ольдерогге (Ин-т этнографии АН СССР). Он подчеркнул, что в 30-е годы становления советской этнографической школы работы Н. А. Кислякова, основанные на громадном полевом материале, были образцом творческого применения марксистской идеологии.

Тематика остальных докладов этого заседания была близка научным интересам исследователя. Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР) сделала доклад по программе исследования нового и традиционного в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана. Она подчеркнула особую важность трудов Н. А. Кислякова, посвященных истории семьи этого региона, в связи с началом нового этапа изучения проблемы семьи и семейного быта в советском обществе эпохи зрелого социализма.

Доклад А. В. Коновалова (ГМЭ) «Свадебная обрядность казахов Южного Алтая» был основан на материалах экспедиций в Кошгагачский район Горноалтайской автономной области. Автор отмечает, что для конца XIX — первой трети XX века свадебный цикл кошагачских казахов в основном совпадал с традиционной свадебной обрядностью, бытовавшей на территории Казахстана и Средней Азии. Однако с конца 1940-х годов постепенно утверждается новая форма заключения брака — умыкание по договоренности между молодыми людьми, а иногда и с согласия родителей и появление нового для казахов обычая возвращения молодой в семью ее родителей. Этот обычай, объясненный Н. А. Кисляковым как реликт матрилокального брака, в данном случае, по мнению докладчика, принял традиционную для народов среднеазиатского региона форму, но имеет совсем иное значение и входит в систему «извинительных» актов за умыкание невесты.

Доклад Р. Р. Рахимова (Ин-т этнографии АН СССР) «Избегание женихом родителей невесты у таджиков» представлял собой живой рассказ-иллюстрацию этого древнего обычая, который автор неоднократно наблюдал.

Вечернее заседание сессии открылось докладом В. П. Дьяконовой (Ин-т этнографии АН СССР) и Д. С. Савинова (ЛГУ) «А. Д. Грач — исследователь Центральной Азии». Докладчики наметили основные этапы научных поисков и открытий талантливого ученого, посвятившего почти три десятилетия жизни палеоэтнографии Центральной Азии и особенно Тувы. Одна из его работ была посвящена вопросу этногенетических связей кочевников Центральной и Средней Азии. На обширных археологических и этнографических материалах построен последний обобщающий труд ученого «Древние кочевники в центре Азии». К сожалению, остались неосуществленными многие научные планы А. Д. Грача.

О широте научных интересов ученого свидетельствует опубликованный как приложение к докладу памяти ученого список его основных научных работ, насчитывающий 87 названий.

Проблеме исторической реконструкции различных социальных институтов прошлого был посвящен доклад Г. Н. Симакова (Ин-т этнографии АН СССР) «Из опыта изучения киргизских народных развлечений». Автор подчеркнул перспективность подобного рода исследований, так как народные развлечения, являясь своеобразной моделью общественной и хозяйственной деятельности, содержат ценную информацию о самых ее разнообразных сторонах, в том числе давно исчезнувших из реальной жизни.

Несколько докладов было посвящено различным аспектам этнической истории разных районов Средней Азии. Р. Я. Рассудова (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Составные компоненты населения Ферганско-Ташкентского региона» рассмотрела соотношение этнических и социальных названий среди местного узбекоязычного населения конца XIX — нач. XX вв. Докладчица отметила недостаточную этнографическую изученность отдельных групп населения, известных в прошлом под названиями ходжа, санд, тура.

Ф. Д. Люшкевич (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Одежда как источник изучения этнической истории Бухарской области» подчеркнула сложность выделения этнодифференцирующих признаков в многовековом процессе интеграции местного ирано-тюркоязычного населения. Развитие самоназваний и особенно названий, как показали специальные исследования автора, в значительной мере определялось культурной, социальной и политической принадлежностью их носителей. Язык также являлся очень подвижным признаком. Наиболее стабильным этническим показателем в этих условиях, по мнению автора, являются элементы традиционной культуры. На материалах своих полевых исследований на территории Бухарской области Ф. Д. Люшкевич выделила основные комплексы традиционного костюма, характеризующиеся этнолокальными отличиями.

Утреннее заседание второго дня сессии было открыто докладами по археологии и антропологии Кавказа. По проблеме первоначального заселения Кавказа выступил В. П. Любин (Ин-т археологии АН СССР), а по результатам антропологического исследования на Северном Кавказе — Н. Н. Цветкова (ЛГУ). Л. Г. Нечаева (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Эволюция архитектуры составных долме-

нов Верхнего Прикубанья» показала разнообразие строительных приемов в разные эпохи, что позволяет уточнить время сооружения каждого дольмена и последующего его использования.

О топонимии Северного Кавказа рассказал **Л. И. Лавров** (Ин-т этнографии АН СССР), объяснивший некоторые местные названия из арабского, персидского и тюркских языков.

А. А. Иванов (Гос. Эрмитаж) в докладе «Могильные камни из Кубачи как историко-культурный памятник» обратил внимание на важность привлечения подобных памятников для изучения истории и искусства Кубачи. Установление языковой принадлежности погребенных по вписанным в эпитафии именам важно, по мнению автора, для истории возникновения селения, а исследование эпиграфики и орнамента — для выяснения происхождения раннего искусства Кубачи.

Э. Х. Панеш (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «К этнической истории зихов», опираясь на данные археологии, письменных источников и антропоники, высказала предположение о том, что зихи — предки абазин, и лишь незначительная часть их оформилась как адыгское «племя» абадзехов.

Доклад **Т. Д. Равдоникас** (Ин-т этнографии АН СССР) «Об одной детали военного костюма кабардинских феодалов XVIII в.» является фрагментом большого исследования автора по истории одежды народов Северного Кавказа. В докладе анализируются такие элементы княжеского боевого одеяния как юбка из плотной шерстяной ткани. Используя зарисовки кабардинской одежды, сделанные в 1793 г. в экспедиции академика **П. С. Палласа**, сопоставляя внешний вид этой одежды с синхронными описаниями других авторов и проводя параллели с аналогичной по форме боевой и охотничьей одеждой на среднеазиатских миниатюрах XV в., автор высказывает предположение, что подобной типа распашная юбка у кабардинских феодалов, видимо, также служила частью боевого одеяния.

В ряде докладов освещались вопросы историографии. В докладе **М. В. Сазоновой** (Ин-т этнографии АН СССР) «Об экспедиции по исследованию старых русел Амударьи под начальством **А. И. Глуховского** 1876—1896 гг.» отмечены исключительно ценные этнографические материалы, собранные экспедицией и хранящиеся в МАЭ.

В. А. Вишневецкая (Ин-т этнографии АН СССР) посвятила доклад замечательному путешественнику и исследователю Средней Азии, фотографу и художнику — **С. М. Дудину**, чьи уникальные по разнообразию и полноте материалы хранятся в МАЭ, в архивах Государственного музея народов СССР и музеях г. Ташкента.

О кавказских музыкальных инструментах в собраниях МАЭ рассказала **Л. И. Смирнова** (Ин-т этнографии АН СССР), о **П. Г. Буткове** — собирателе кавказских этнографических материалов — **Ю. Ю. Карпов** (Ин-т этнографии АН СССР).

В прениях по докладам участники сессии не раз обращались к трудам **Н. А. Кислякова**. Было высказано пожелание, горячо поддержанное присутствовавшими, о проведении тематических «Чтений» по проблеме семьи и брака у народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа.

Ф. Д. Люшкевич

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ИНДЕАНИСТИКИ

18—19 ноября 1982 г. в Институте этнографии АН СССР (Москва) проходил симпозиум по проблемам индеанистики: «Американские индейцы в прошлом и настоящем». Это была первая общая встреча советских индеанистов — историков, археологов, этнографов, экономистов, социологов, лингвистов из Москвы, Ленинграда и некоторых других городов.

Заседание симпозиума открыл директор Института этнографии АН СССР академик **Ю. В. Бромлей**, подчеркнувший возрастающую актуальность индеанистских исследований. Среди наиболее важных проблем были названы такие, как заселение Америки, антропологический анализ коренного населения, формирование древних культур, индейские языки, история коренных обитателей Америки в колониальный период, аборигенный компонент в этнических процессах Америки, роль индейцев в революционных движениях на континенте. **Ю. В. Бромлей** призвал участников симпозиума более решительно заниматься изучением современности, обратив внимание на политический аспект таких исследований, в частности на сравнение положения малых народов СССР и коренных обитателей Америки.

На симпозиуме было представлено около 40 докладов, большая часть из которых группировалась по двум темам: «Основные этапы исторического развития коренных народов Америки» и «Американские индейцы в современном мире».

По обеим темам было зачитано несколько общих докладов. В первый день заседания, посвященный истории коренных народов Америки, **В. П. Алексеев** выступил с докладом «О некоторых морфологических особенностях коренного населения Америки, важных для реконструкции процесса ее заселения». По мнению докладчика, в заселении американского континента принимали участие монголоидные группы, смешанные с европеоидами; этот древний контакт между представителями двух больших рас мог иметь место во внутренних районах Азии.

В. А. Башилов провел сравнительный анализ темпов исторического развития в главных центрах «неолитической революции» Старого и Нового Света. Он пришел к выводу, что эти темпы были приблизительно одинаковы в обоих полушариях, а при-